

Глава 38. Непристойно

Полосу ночного мрака рассёк луч меча.

Трёхглазая гигантская птица даже не заметила внезапно появившегося у неё за спиной Фу Линцзюня. Всё её внимание было приковано лишь к тому, чтобы разорвать на куски маленькую белую собачку, прятавшуюся в расщелине между камней.

Сияние меча ударило прямо в беснующуюся птицу. В следующий миг её яростные удары о скалу замерли, а потом тело, начиная с головы, рассыпалось на бесчисленные куски и с грохотом рухнуло вниз.

Этот сон был пугающе реален. Разлетевшийся на части труп гигантской птицы в одно мгновение утонул в крови.

Воздух наполнился тяжёлым запахом крови.

Обычно Цзян Тан не выносил этот запах, но впервые в жизни именно он принёс ему чувство безопасности.

Белый комочек обмяк в лапах, сел прямо на землю и, всхлипывая, захныкал:

— И-и-у-у...

Ему и вправду было страшно. В фильмах ведь все, кто умирал во сне, уже не просыпались. Если он вот так умрёт здесь, это же будет до ужаса обидно.

Но этот сон не дал ему даже толком выплакаться.

Как только гигантская птица исчезла, мир сна почти мгновенно начал расслаиваться с краёв. Трава взмыла в воздух, деревья будто вырвало из земли, а каменная стена, за которой прятался Цзян Тан, затряслась ещё сильнее, чем прежде под ударами птицы, словно собираясь лопнуть изнутри наружу.

Похоже, трёхглазая птица и была последним стражем этого сна. Теперь, когда страж умер, сон начал рушиться.

— И-и-у-у!

От внезапной перемены Цзян Тан так перепугался, что даже перестал плакать. Он рванулся было вперёд, но под лапами вдруг не оказалось опоры, и его тут же поглотило сильнейшее

чувство падения.

Этот сон Фу Линцзюнь создал для Е Чжэнвэня с помощью благоволия, призывающего душу.

После ухода Е Чжэнвэня мир сна больше не подчинялся воле Фу Линцзюня. Теперь и он сам был здесь чужаком, захватчиком, разрушившим этот мир.

Он мгновенно переместился к скале, пытаясь поймать падающий пушистый комочек, но гора в тот же миг обрушилась, и внизу разверзлась чёрная бездна. Его пальцы уже коснулись белого комочка, а в следующий миг тот вместе с обломками скалы бесследно исчез.

Небо покрылось бесчисленными трещинами. Сквозь них с трудом прорывался яркий свет, озаряя весь мир сна.

Всё, чего касался этот свет, исчезало без следа.

Сон вот-вот должен был окончательно рухнуть. Если не выбраться прямо сейчас, здесь можно было быть похороненным навсегда.

Фу Линцзюнь поднял взгляд к треснувшему небосводу, затем посмотрел в чёрную бездну и, не колеблясь, прыгнул вниз.

Падал он очень быстро и вскоре увидел маленький пушистый комочек. Видимо, его задело обломками, и зверёк уже потерял сознание. Ветер со свистом проносился мимо, но тот ничего не чувствовал.

Маленький зверь и без того был насильно втянут в сон, а после удара камнем его слабая душа задрожала так, будто вот-вот рассеется в рушащемся мире сна.

Фу Линцзюнь ускорился и наконец догнал падающий комочек, подхватив его на руки.

На этот раз сон не помешал его движению.

Наверное, потому, что зверёк у него на руках был уже на грани исчезновения. Белизна его шерсти заметно потускнела.

Цзян Тану было очень плохо.

Сначала всё было ещё ничего, но, когда один из камней ударил его по голове, с ним стало твориться что-то неладное. Он словно превратился в кусочек сахара, который вот-вот растворится в тёплой воде: силы понемногу уходили, сознание мутилось. Он не знал, что его

душа почти рассыпалась, и лишь из последних сил пытался удержаться в сознании.

И вдруг он увидел приближающуюся светлую точку.

Она была бледно-лиловой, словно окутанной прыгающими молниями и пламенем. В этих молниях и огне таилась безграничная сила, манившая подойти ближе, прикоснуться, вобрать её в себя.

Цзян Тан так и сделал.

Его расплывающееся сознание тихонько потянулось к этой точке и жадно обняло её. Тающая душа оказалась окутана странной, почти сновидческой силой, вошла в бледно-лиловый свет и крепко слилась в объятиях с кем-то другим.

В тот миг, когда душа погрузилась в светлую точку, её растворение прекратилось.

Ему казалось, будто его вытянули на тихий морской берег, где он лежит под солнцем и слушает, как одна волна за другой накатывает на песок. Или будто в полусне по его телу движется уверенный, в меру сильный массаж, понемногу прочищая каждую жилку. А если ещё ярче, то словно в желтоватом свете ночника кто-то обнимает кого-то, тихо разговаривает с ним и перед тем, как пожелать спокойной ночи, дарит ласковую, уютную близость...

А потом он окончательно потерял сознание.

* * *

В обитель духа Фу Линцзюня бесцеремонно вторглись.

Обитель духа — самое сокровенное место для любого культиватора. Там хранятся все воспоминания человека. Там же его душа совершенствуется и отдыхает. Там спрятано всё, что он никогда не захотел бы показывать другим.

И именно в это сокровеннейшее место сейчас вторглись, а Фу Линцзюнь даже не сопротивлялся.

Сначала перед ним мелькнул знакомый пушистый комочек. Пройдя несколько шагов, он постепенно превратился в полностью обнажённого юношу.

Он уже видел его раньше, утром в тот день, когда проснулся.

Свет вокруг юноши при входе был тусклым, словно в следующую секунду он и сам рассеется

вместе с разрушающимся сном. С каждым шагом кусочки его души осыпались к ногам, мерцая мягким светом. Потом он больше не выдержал и опустился на колени. Его странные, чарующие волосы укрыли тело, оставив открытой лишь одну белую, как нефрит, ступню.

Он выглядел очень уставшим.

Пушистый комочек в объятиях Фу Линцзюня постепенно исчезал, а фигура юноши в его обители духа, напротив, становилась всё яснее и отчётливее.

Сонный юноша качнулся в сторону и жалобно свернулся клубком, совсем как тогда, когда был зверьком.

— Почему?.. — тихо пробормотал Фу Линцзюнь.

Он и прежде догадывался, что душа маленького зверя должна иметь человеческий облик, но не понимал, почему тот может так запросто войти в его обитель духа.

Изначально Фу Линцзюнь хотел окутать зверька силой своей души, вывести из сна и питать его, пока повреждённая душа не восстановится, а затем вернуть её обратно в тело. Но прежде чем он успел что-либо сделать, пушистый комочек сам вошёл внутрь.

— Неужели... из-за меня?

Лишившийся памяти о слиянии душ Фу Линцзюнь не знал, что между ним и Цзян Таном уже давно случилась предельная близость.

Никто не мог войти в его обитель духа. И всё же именно этому человеку он, похоже, сам вручил ключ.

Повреждённая душа юноши крошилась и осыпалась рядом с ним, а с каждым вдохом осколки её всё больше тускнели.

Фу Линцзюнь перестал пока думать о том, почему тот сумел войти в его обитель духа, и подошёл к свернувшемуся юноше.

Наклонился и поднял один из отколовшихся фрагментов. Он мягко окутал тускнеющий осколок силой своей души, понемногу питая его, и вскоре перед ним возникла странная картина: юноша, очень похожий на душу пушистого комочка, только с растрёпанными короткими волосами, сидел на ступеньках и разговаривал с кем-то.

Говорил он на языке, которого Фу Линцзюнь никогда не слышал.

Но по непонятной причине, стоило этим словам попасть ему в голову, как он вдруг начал понимать их смысл.

— Ты даже не представляешь, какой у нас классный руководитель псих! — юноша загибал пальцы и считал. — По китайскому — один тест, по математике — два, ещё две страницы из рабочей тетради. По английскому, кроме теста и двух страниц чтения, ещё выучить текст и написать дневник. Физика...

Он долго ещё перечислял, а потом, скорчив несчастную физиономию, громко взвыл:

— Небо решило меня прикончить!

— Цзян Тан, повеселее! — человек рядом толкнул его плечом. — У вас, конечно, дофига домашки, зато вы должны приходить в школу на полдня раньше на самостоятельные занятия!

Юноша поперхнулся словами, покраснел от злости и погнался за собеседником, чтобы стукнуть.

Картина постепенно рассеялась.

Фу Линцзюнь опустил глаза на восстановившийся и вновь засиявший осколок души у себя в руке и слегка нахмурился.

Очень странно. Каждое слово он понял, но, сложенные вместе, они всё равно оставались для него непостижимыми.

Единственное, что он расслышал совершенно ясно, было имя этого юноши.

Цзян Тан.

Тан-Тан.

Оно совпадало с тем именем, которое он сам ему дал.

Фу Линцзюнь осторожно вернул восстановленный фрагмент юноше. Свернувшийся клубком спящий человек ничего не замечал и так же тихо втягивал в себя возвращённую часть души, словно по-прежнему спал.

Он поднял следующий осколок.

— Цзян... Цзян, одноклассник! — девушка в очень короткой юбке держала за спиной

коробочку и, пунцовея, окликнула юношу. — Ты мне нравишься! Ты будешь со мной встречаться?

От этих слов уши юноши на глазах залились красным.

Он быстро-быстро заморгал и, запинаясь, выдавил:

— Я... не... это... нет... одноклассница...

Он долго мялся и заикался, но так ничего толком и не объяснил.

Девушка тут же расплакалась.

Глаза у неё покраснели, и, сдерживая слёзы, она с обидой сказала:

— Я что, настолько плоха?

Юноша отчаянно замахал руками и поспешно стал оправдываться:

— Нет, дело не в этом! Я просто...

Он явно пытался сказать что-то ещё, но гордость девушки не позволила ей дожидаться. Заплавав, она убежала.

Когда она уже скрылась, юноша опустил голову и очень тихо сказал:

— Ты хорошая. Просто... мне нравятся парни.

Картины в каждом осколке были недолгими. Почти все они были столь же короткими, как и первая. Мальчишка по имени Цзян Тан сперва выглядел совсем юным, а потом постепенно становился всё взрослее и серьезнее. Образы сменялись очень быстро.

Фу Линцзюнь был необыкновенно умён, к тому же понимал каждое слово в этих сценах. После нескольких повторов он уже сумел уловить почти всё.

Мир, в котором жил Цзян Тан, разительно отличался от его собственного. Люди там были посредственны по природе, не могли идти по пути Дао и не умели совершенствовать лекарства. Но у них была своя система оценки способностей и совершенно иной уклад жизни: учёба, школа, работа, брак, дети, а потом старость. Жизнь смертных длилась всего несколько десятков лет, но была наполненной и суетной.

Цзян Тан жил так же. Едва окончив университет и начав работать, он столкнулся с тем, что дома его начали подталкивать к браку и свиданиям вслепую. Он не хотел обманывать девушек, а потому использовал переработки как предлог не возвращаться домой. В итоге в одну из ночей, засидевшись допоздна, он умер от остановки сердца, а когда снова открыл глаза, уже оказался запертым в клетке дома Сун в Цзэяне и стал благодатным зверем, у которого вырвали кость судьбы.

Фу Линцзюнь восстановил все отколовшиеся фрагменты души, один за другим вернул их спящему юноше, а под конец не удержался и легко ткнул пальцем в его сонную щёку.

Ему хотелось понять, почему он не отвергает его даже в собственной обители духа.

Один был могучей, острой, прожившей тысячи лет душой. Другой — слабой душой, едва прожившей чуть больше двадцати лет и всё это время просто шаг за шагом шедшей по обычной жизни. Но, когда Фу Линцзюнь коснулся Цзян Тана, он не встретил ни малейшего сопротивления и беспрепятственно вошёл внутрь.

И тогда мягкие щупальца осторожно, бережно обвили вокруг него, откликаясь на его прикосновение.

Это был инстинктивный ответ юноши.

Каждый такой ответ приносил наслаждение, от которого немела кожа головы и пробегала дрожь, будто рыба наконец вернулась в воду. В этот миг Фу Линцзюнь вдруг понял, почему говорят: «душа перевернулась».

Каждое прикосновение к юноше рождало в нём ещё большее желание: войти глубже, стать ещё ближе.

Он крепко окутал эту слабую, жалкую душу и не мог удержаться от мысли раскрыть её полностью, разделить с ней её чувства, настроение и непросмотренные до конца воспоминания.

Но только что восстановленная душа была слишком слабой.

Его душа обошла её вокруг, сумела войти лишь совсем немного и в конце концов всё же отступила.

Ничего. Впереди ещё будет много возможностей.

Разрушающийся сон едва удерживался только за счёт духовной силы Фу Линцзюня, поддерживавшей в нём последнюю тропу к выходу. Лишь когда душа юноши немного окрепла, Фу Линцзюнь увёл его из сна.

Уже рассвело.

За пределами барьера область Цянькунь давно ожила. Перекрики зазывал, торг, случайные приветствия — всё смешалось в единый шум.

Издали на улице показался один крайне заносчивый человек и один крайне заносчивый большой белый тигр. Они почти как у себя дома разгуливали по длинной улице области Цянькунь, и люди вокруг поспешно расступались.

Е Чжэнвэнь с самого утра пришёл искать Фу Линцзюня, но его остановил Сян Син.

— Хозяин отдыхает, — серьёзно заявил тот, встав перед дверью комнаты Фу Линцзюня и не пуская возбуждённого Е Чжэнвэня наверх.

Еле взобравшегося по узкой крутой лестнице серебристого тигра тоже спровадили обратно вниз. Туша у него была такая, что хозяин трактира весь дрожал от страха, как бы молодой господин Е не разнёс им всю лестницу.

— Брат Сян Син, тогда я просто посижу здесь и подожду брата Линя. Как только он отдохнёт, позови меня, ладно? — Е Чжэнвэнь совсем не хотел уходить, нашёл себе место в общем зале, по-хозяйски заказал целый стол еды и принялся привередливо есть и пить.

Убедившись, что Е Чжэнвэнь и правда не поднимается наверх, Сян Син медленно отошёл от двери.

Он чувствовал, что хозяин поставил барьер, но не знал, что именно происходит внутри и почему хозяин с Сяо Баем так долго не выходят.

В комнате Фу Линцзюнь медленно открыл глаза.

Его душа ещё не до конца вышла из того странного, божественного онемения. В миг пробуждения даже тело откликнулось на пережитое душой, и лишь спустя какое-то время всё пришло в относительный покой.

И тут он почувствовал, что на руках у него что-то тяжёлое. Почти не думая, он протянул руку, чтобы поддержать, и ладонь коснулась тёплой гладкой кожи.

Мягкой, тёплой, шелковисто-гладкой. Прикосновение было таким приятным, что его рука невольно скользнула вдоль гладкой спины к тонкой талии. Только тогда он окончательно пришёл в себя.

В полутёмной комнате у него на руках неизвестно когда оказался полностью обнажённый

человек. Его странные длинные волосы укрывали большую часть тела. Он тесно прижимался к Фу Линцзюню и мягко обнимал его за шею.

Фу Линцзюнь даже чувствовал у шеи его тёплое дыхание — совсем близкое, лёгкое и мягкое, как и он сам.

Будто пёрышко едва касалось кожи на шее. Почти никакого ощущения, но всё внимание тела помимо воли сосредоточилось именно на этом тонком, щекочущем, слегка зудящем прикосновении.

Фу Линцзюнь тут же весь напрягся.

Секунды ему хватило, чтобы понять, кто лежит у него в объятиях.

Это был тот самый пушистый комочек.

Пусть в такой позе его лица почти не было видно, но эти странные длинные волосы, обвивавшие тело, Фу Линцзюнь видел всякий раз, когда закрывал глаза. Светлые волосы окутывали тонкое тело юноши, оставляя открытой лишь часть белой стройной ноги — мягкой, гладкой, красивой.

А сейчас этой красоты было видно даже больше, чем в прошлый раз.

Очень быстро разобравшись, что происходит, Фу Линцзюнь всё же очень долго не мог решить, что с этим делать.

Это случалось не впервые. Он не должен был так растеряться.

Фу Линцзюнь моргнул.

С трудом заставив себя опустить взгляд, он всё же посмотрел на ту белизну, от которой у него мутилось в голове.

Спящий юноша ничего не осознавал и совершенно незащитно лежал у него на плече. При каждом вдохе длинные, густые ресницы чуть заметно дрожали.

На нём не было совершенно ничего.

Фу Линцзюнь не просто это видел. Он это чувствовал.

Так отчётливо ощущались эта хрупкость и мягкость, тесно прильнувшие к нему, что даже

сквозь одежду он, казалось, улавливал каждую линию его тела.

Фу Линцзюнь хотел оттащить юношу от себя, но, дотянувшись рукой, понял, что везде одна гладкость, не за что ухватиться. Он долго держал руку на весу, так и не решившись двинуться. И пока он не двигался, пошевелился сам юноша.

Наверное, ему спалось беспокойно. К тому же вёл он себя совсем не смирно: бессознательно ещё сильнее прижался и носком ноги зацепил одежду Фу Линцзюня.

Эта ножка, цеплявшая ткань, была тонкой и красивой, но с приятной, едва заметной мягкостью. Пальцы на ней слегка поджались, словно ему было холодно и он хотел забраться под просторные одежды Фу Линцзюня.

В этом жесте было столько непристойного, что Фу Линцзюнь опустил голову, собираясь убрать эту ногу, но взгляд его уже не смог оторваться от изящной ступни.

С первого взгляда она походила на белый нефрит, на молоко или на лучший белый фарфор — светлая, будто снег.

В иссохшем сердце вспыхнул огонь.

У Фу Линцзюня тяжело двинулся кадык. Сквозь стиснутые зубы он проговорил, и в голосе его не было ни капли гнева:

— Не балуй.

Но спящий юноша на это совершенно не отреагировал.

Цзян Тан давно привык спать у Фу Линцзюня на руках и уже давно отбросил всякий стыд. Хотел лечь как удобно — так и ложился.

Ему лишь казалось, что сегодня это объятие почему-то особенно жёсткое. Как ни устраивайся, всё было не так. Поэтому он не только зацепился ногой, но и всем телом ещё сильнее прижался, потёрся о него, а непослушная рука, обнимая его за шею, словно этого было мало, жадно съехала ниже и наугад провела по широкой спине.

Собачка с дурными намерениями по привычке опять воспользовалась случаем, чтобы полапать босса Фу, даже не подозревая, насколько распущенно сейчас выглядит в таком состоянии.

— М-м...

Цзян Тан облизнул губы и, как раньше в облике зверька, потёрся носом о шею Фу Линцзюня.

Огонь из иссушённой глубины сердца Фу Линцзюня начал расползаться по всему телу.

Он горел от той ноги, что цеплялась за одежду. От кончика носа, скользнувшего по его шее. От тепла, так отчётливо ощущавшегося даже сквозь одежду. От случайно сорвавшегося с губ юноши тихого всхлипа. От каждого его движения, от каждого его вдоха.

Всё тело Фу Линцзюня напряглось до предела.

Он хотел что-то сказать, но понял, что голос у него уже совсем сел.

— Глупая собака.

Те же самые слова, что и прежде, но сейчас они прозвучали до странного невнятно и до неприличия двусмысленно.

— И-и-у-у, — откликнулся юноша, который, уже став человеком, по-прежнему отвечал ему как маленький зверёк — искренне и горячо. Кажется, на губах у него даже была улыбка, такая сладкая, что от неё мутило.

Фу Линцзюнь больше не выдержал.

Он схватил юношу за непослушную руку, пытаясь оттащить от себя.

Но сладко спящий Цзян Тан совсем не хотел, чтобы его отрывали.

Ему нравился прохладный слабый аромат Фу Линцзюня. Во сне ему всегда хотелось прижиматься к нему. Сейчас же, когда его стали тянуть прочь, обе руки сами собой сомкнулись ещё крепче, словно он хотел всем телом повиснуть на Фу Линцзюне.

Совсем как раньше, когда был маленьким пёсиком и любил к нему ластиться и тереться.

Один старался оторвать, другой, наоборот, прижаться ещё крепче. В этой борьбе светлые волосы, рассыпавшиеся по телу Цзян Тана, соскользнули, открыв ещё больше тонкой, фарфорово-белой кожи.

Сначала Фу Линцзюнь ещё сдерживал силу. Но теперь ему было уже не до этого. Он резко дёрнул юношу за руку, и тот тут же жалобно захныкал, едва не расплакавшись. Видимо, он сделал ему больно.

Но зато наконец отцепил.

Подхватив прилипчивое создание на руки, он быстрым шагом подошёл к стоявшей рядом кровати, остановился у края и бросил его на постель.

Кувыркнувшись по инерции пару раз, Цзян Тан перекатился по постели, а его странные длинные волосы тут же окутали тело, создавая в этой беспорядочности до невозможности непристойную картину.

Наверное, Фу Линцзюнь и правда сжал слишком сильно. Оба плеча и руки ныли, и, переворачиваясь, Цзян Тан почувствовал, что у него болит всё тело. Он сердито заскулил несколько раз. Звук был уже не таким младенчески-нежным, как в облике зверька, зато в нём звучали юношеская чистота и мягкость.

...И от одного только этого всё стало ещё непристойнее.

Фу Линцзюнь изо всех сил заставил себя отвести взгляд от юноши, тяжело сглотнул и лишь спустя время наклонился, выдернул сложенное на кровати одеяло и накрыл его с головой.

— М-м.

Полностью укутанный, он уже не мог сопротивляться и лишь издал недовольный звук.

Сначала он и вправду смиренно лежал, но через некоторое время ему это надоело, и он несколько раз повозился под одеялом, пока наружу не высунулась растрёпанная голова.

Светлые волосы закрыли ему брови и глаза, оставив открытыми только красивый прямой нос и чуть приоткрытые губы. Казалось, под одеялом ему стало трудно дышать, и теперь он жадно хватал воздух.

Глотая воздух, он, вероятно, почувствовал жажду и облизнул чуть пересохшие губы.

Фу Линцзюнь: «...»

Этот пушистый комочек и прежде вытворял вещи куда более дерзкие.

Забирался к нему на руки, тёрся и кусался. Куда бы ни шёл, требовал, чтобы его несли. Чуть что не так — начинал жалобно хныкать. А ещё вечно лез поцеловать его руку.

И всё же теперь, хотя юноша делал куда меньше прежнего, Фу Линцзюнь чувствовал себя совершенно неправильно.

Не то чтобы ему это не нравилось.

Просто всё было не так. Совсем не так.

Цзян Тан и вправду хотел пить.

Во сне его душа пострадала, и он всё это время спал в полубреду. Даже такая грубая встряска не смогла его разбудить. Но жажда постепенно взяла своё.

Сначала из-под одеяла доносились лишь какие-то весьма неподобающие «и-и-у-у». А потом, видимо, это тело вдруг осознало, что оно уже не звериное, и из горла вырвался звук, похожий на человеческую речь.

Только связки ещё не привыкли говорить по-человечески, поэтому последнее слово странно взлетало вверх, будто у него был сильный акцент. Но голос звучал так приятно, что смеяться вовсе не тянуло.

— Во...

Фу Линцзюнь прослушал это несколько раз, прежде чем понял, что Цзян Тан хочет сказать.

После двух случаев, когда после пробуждения его ждали «сюрпризы», Фу Линцзюнь уже совершенно не удивлялся тому, что человек, в которого превращался пушистый комочек, умеет говорить.

После всего, что уже произошло, речь была сущей мелочью.

Он простоял у кровати, глядя на торчащую из одеяла пушистую голову, с добрую чашку чая, и лишь потом заставил себя подойти к столу и налить воды.

Вода в чайнике давно остыла.

Фу Линцзюнь посмотрел на чашку в руке, сперва сам поднял её и выпил, а уже потом взял другую и налил ещё одну для юноши, не перестававшего просить воды.

Он поднёс чашку к губам Цзян Тана, и тот приоткрыл рот. Но Фу Линцзюнь совершенно не умел поить других, так что почти весь чай вылил ему на подбородок, шею и одеяло.

— М-м... — тихо хныкнул юноша и потянулся потереться о его руку.

Фу Линцзюнь хотел отдернуть руку, но две мягкие ладони ухватили её, и в следующий миг

тёплый мягкий язык, влажный от чая и разогретый теплом его щеки, лизнул его прямо в ладонь.

<http://bllate.org/book/17032/1638326>